

Владимир Тренин

Рюмка Достоевского

Рассказ

Черничный морс — это очень вкусно. Сладкий глоток из детства, из переданной тайком литровой банки, через несколько рук, от мамы, а ты маленький и несчастный со свежим разрезом в животе. Самый сладкий глоток в иссушенное горло.

Он присел на край кухонного дивана и отхлебнул из большой кружки черничного морса. Насыщенная темно-фиолетовая волна разлилась по телу. Иван не торопясь пил, рассматривая дверцу холодильника, залепленную многочисленными магнетиками с названиями городков и поселков.

«У людей Барселона и Париж, Сочи, на худой конец, а у меня Сольцы, Бежецк, Дно, ну и Великие Луки с Ельцом», — усмехнулся Иван про себя, рассматривая географию рабочих командировок.

Дедовские ходики отстучали три часа ночи. Спать не хотелось. Он потянулся, скользнул ногами по теплomu полу вдоль стены и почувствовал резкий укол в пятку.

— Что за хрень?

На коже выступила алая капля. Иван наклонился, поковырял непослушными грубыми пальцами в ранке и с трудом вытащил осколок. Поднес к глазам крошечный вытянутый окровавленный кусочек стекла, усмехнулся:

— Вот тебе и наказание...

Скакнул на одной ноге к шкафчику, взял салфетку, плюнул на нее и приложил к порезу. Остановив кровь, завернул осколок в бумажку и выкинул в пакет с мусором.

Закрыв глаза и долго водил ладонями по щекам и предплечьям, словно снимал невидимую паутину.

Тренин Владимир Витальевич — инженер-геолог. Родился в 1977 году. Окончил КГПУ и аспирантуру при ИВПС КарНЦ РАН. Работал сторожем, ночным продавцом, учителем географии и биологии, занимался поиском месторождений подземных вод в Карелии. Работает в проектной организации. Автор трех книг. Рассказы печатались в журнале «Север». Живет в Петрозаводске. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

1

Они пили в Старой Руссе, через дорогу от дома Достоевского, глотали ячменный дистиллят, топтались на льду Порусьи, радостные, что тяжелая работа закончена и завтра они поедут домой. Иван смеялся с товарищами, вспомнил имя реки, шутил и пропустил момент, когда его накрыло.

Он не слышал мужиков, в ушах звенела тишина, в глазах мелькали раскрытые в немом гоготе рты. Иван вдруг подумал, как ему хорошо и спокойно в этом месте, где все, казалось, такое русское: старые липы с черной изломанной сетью веток, основательные купеческие дома и бледное февральское небо; только виски, закупленное по скидке в ближайшем сетевом магазине, было шотландским.

— Скотское, — утверждал Павел, он разбирался в штрихкодах, хотя были сомнения, вдруг паленое, но раз Пашка сказал, значит, настоящее, как он там заявил, причмокивая, всасывая халявное бухло:

— Чувствую вольный дух горной Шотландии!

Размазанное солнце просвечивало через серую облачную вуаль, снисходительно наблюдало, как молча и торжественно трое мужчин, разменявших опасные тридцать семь лет, сделали по завершающему большому глотку золотистой жидкости и кинули бутылку «скотского принца» в пакет. Анорексичная вытянутая склянка — типа «сабонис», так в полевых кругах называли тару по ноль семь, тоненько звякнула, ударившись о полную свою, непочатую сестру. Они переглянулись, кивнули, пошли. Выбрались через сугробы по крутому берегу и открыли дверь в деревянный двухэтажный зеленый дом, где жил когда-то Фёдор Михайлович Достоевский.

Испуганные бабушки-смотрительницы, вдохнув свежего ячменного выхлопа, смешанного со вчерашним водочным перегаром, встрепенулись, строго посмотрев на благодные небритые физиономии, но пропустили посетителей. Гардеробщица приняла полевые, измазанные в глине куртки. Иван попросил повесить пакет на крючок. Бутылки предательски бзыкнули, и ему стало неловко, но вежливая старушка сделала вид, что ничего не услышала. Ваня, благодарно улыбаясь ей, поспешил за товарищами, шурша брючинами утепленного полукомбинезона.

Все было скромно в этом доме: тусклые тесные комнатки и высохшие скрипучие половицы с многолетними наслоениями красновато-вишневой мастики, небогатая посуда, дребезжащая в старинных буфетах от тяжелой поступи посетителей. На рабочем месте Фёдора Михайловича разложены перо, пожелтевшие копии черновиков с летящим почерком и наброском, изображающим князя Мышкина, напоминающего спитого бродягу с Курского вокзала. В столовой: большой стол, расставлены тарелки и почему-то только один красивый лафитник, — наверно, для хозяина дома. Иван подошел ближе, чтобы рассмотреть утварь: ничего особенного, желтоватый фарфор и запыленная рюмка, из которой не пили, возможно, уже полторы сотни лет.

Паша недоуменно рассматривал жутковатую темную картину с измученным ликом мертвого Христа, фрагмент знаменитого полотна Ганса Гольбейна Младшего, а любознательный Федя спрашивал смотрительницу: а это действительно вещи Достоевского? И что он написал в этих комнатах, а сколько заработал, а почему такой маленький дом у знаменитого писателя?

Старушка, загадочно улыбаясь, что-то отвечала Федьке, а в это время Иван схватил лафитник и сунул в карман. Зачем он это сделал, непонятно. Ваня не был

замечен в kleптомании, никогда в жизни не брал чужого, даже наоборот, всегда делился и, наверно, был готов отдать последнее, если товарищи попросят. Замерев в ожидании sireны, криков и визгов, Ваня ждал, когда провалится в преисподнюю или кто-нибудь сильно ударит наглеца по шее, слушал яростный стук крови в висках, затылок его горел...

Ничего не произошло. Вообще. За спиной шелестел тихий, вкрадчивый голос служительницы дома-музея, гудели басовитые вопросительные реплики Фёдора, скрипели доски под ногами Павла, уходящего в соседние помещения.

Антикварное стекло, казалось, нагрелось и обрело невыносимую тяжесть, жгло бедро через слой синтепона, будто в карман залили раскаленного свинца. Иван смахнул пот со лба, сглотнул вязкую слюну и двинулся за Пашкой, с трудом передвигая ноги. Они за четверть часа посмотрели экспозицию, сфотографировались у большой копии портрета кисти Перова, где Фёдор Михайлович, сцепив длинные пальцы в замок, смотрел куда-то в угол. Глянув на опухшие физиономии товарищей, вставших с двух сторон от рамы, Иван, забывший на секунду о своем преступлении, не выдержал и рассмеялся — уж очень эти грубые лица кирпичного оттенка контрастировали с высоколобым, бледным и задумчивым ликом гения.

— Че ржешь, снимай, я устал щериться, — буркнул сквозь зубы замерший в улыбке и выпятивший грудь Пашка; кто-то ему сказал, шутя, что он красивый мужчина, и Паша, искренне поверив, теперь вышагивал по жизни как стриженный пудель среди дворняг.

Купив магнитиков и сувениров, продававшихся у гардероба, Иван вручил каждой из старушек по тысяче рублей, поблагодарив за хороший прием. Эта жалкая попытка замирения с совестью не помогла ему, карман горел и тянул чудовищным грузом, но хранительницы музея растрогались, не ожидав столь щедрых чаевых, и тепло попрощались со странными внезапными посетителями.

Мужики немного постояли рядом с музеем у старинного фонаря, покурили уже молча, без шуток и смеха, выпили по паре глотков и двинулись в сторону гостиницы. Надо было собирать вещи.

В номере Иван тщательно вымыл рюмку, поднял вверх за ножку и долго крутил ее, любовался, как переливаются стеклянные грани в теплом свете люстры. Потом достал из пакета бутылку с остатками виски. Поставил лафитник на стол и аккуратно наполнил до половины. Священный трепет охватил его, предплечья покрылись гусиной кожей.

— Думал ли я, уважаемый Фёдор Михалыч, что буду с вами из одной рюмки пить? Вы уж простите меня, взял грех на душу, украл ваш фужерчик, бес попутал, — прошептал Иван и выпил содержимое одним глотком. Занюхал сухой хлебной коркой, оставшейся со вчерашних посиделок, рухнул на кровать и задумался: «Зачем ты сделал *это*?.. Сегодня Ванечка превзошел сам себя. И почему, прежде чем попасть в дурацкую, иногда совершенно дикую, историю, ты — взрослый семейный человек, — думаешь не головным мозгом, а другими частями тела, не предназначенными для сложного и важного процесса?»

К сожалению, эта дилемма всегда его мучила уже после случившегося. Восстанавливая в памяти хронику событий, преодолевая тяжелое, разрывающее душу чувство вины, находя отправную точку, то самое метафизическое мгновение, отмечающее дихотомию бытия, когда еще можно было остановиться и пойти другим, светлым путем, принять правильное решение. Ну как «правильное»? Хотя бы такое, чтобы потом не терзала совесть.

Иван взял себя в руки и собрал рюкзак. Вечером на всякий случай посмотрел городские новости, с волнением ожидая сообщения о похищении ценного артефакта из местного музея, но, к счастью, все было тихо, и он с облегчением выдохнул. Выпил еще немного виски из рюмки Достоевского и лег спать.

Ночью ему снились старушки с добрыми лицами. Они шарили своими сухими лапками по его лицу и телу, что-то шептали неразборчиво. Почему-то они были голые и плоские, с неприятно колыхающимися высохшими блинами грудей, словно вырезанные из мятого пергамента. Иван не хотел смотреть на тела и жмурился, но у него не получалось — веки стали прозрачными. Сон был не страшный, но какой-то гадкий. Проснувшись, Иван не испытал облегчения. У него сохранилось скверное физическое ощущение на коже, будто его вываляли в невидимой паутине, которую он тщательно пытался смыть с утра, долго поливая лицо и плечи из треснувшей душевой лейки.

2

В дороге настроение улучшилось, и он забыл о странном сне. Павел с машиной остался на техобслуживании в Питере, а Фёдор с Иваном решили поехать на поезде, — быстрее хотелось добраться домой, в маленький город на берегу холодного залива. Коротали время в кафе в центре вокзала. Столики были установлены на ромбовидном подиуме, обтираемом разношерстным людом.

Вокзальная жизнь кипела. Беспокойные пассажиры, задравши головы, изучали расписание поездов, таксисты с лицами уркаганов вылавливали выгодных клиентов, пузатые, опохмеленные и поэтому жизнерадостные охранники в черных ушанках бродили парочками, обсуждая воскресную рыбалку, вездесущие цыгане искали подходящих для развода лохов, подозрительные сухощавые восточные юноши пытались впарить ворованные мобилы сонным, немного испуганным окающим провинциалам с северных поездов.

Друзья пили пиво и разговаривали о всякой ерунде.

— Ты читал Достоевского? — вдруг серьезно спросил Иван.

— Странный вопрос, — удивился Федя внезапному повороту в беседе. — В рамках учебной программы, как и все: «Преступление и наказание», но шло со скрипом, тяжеловат Фёдор Михайлович для меня.

— Ты же школьником был, попробуй сейчас, для взрослого человека там бездна смыслов! ...Интересно, что многие после школы не открывают классиков, людей как будто прививают от хорошей литературы. Я недавно решил, «Преступление и наказание» перечитал, «Братья Карамазовы» вообще на ура пошли, я уж не говорю про «Идиота». Возьмись на досуге!

— Не, Ваня, я уже не осилю, нет времени, да и лень, лучше в сериал тупо повтыкаю на диване. Знаешь, для меня самое популярное чтиво сейчас — это брошюры скидок в районном супермаркете, — хлебнул пива Фёдор и покосился на симпатичную пассажирку, проходящую мимо. Он долго и жадно рассматривал лицо и фигуру, чем, кажется, изрядно испугал женщину.

— Ты это, Федька, имей совесть, я тебе говорил, регламент — полторы секунды, смотри и сразу отводи глаза. Ох уж этот твой раздевающий зырк на полминуты, и жаркий танец бровями, — засмеялся Иван. — Не-е-е... с тобой неудобно рядом находиться, если бы сажали за изнасилование взглядом, ты бы уже загремел пожизненно по совокупности.

Товарищи за долгую командировку соскучились по красивым женским лицам, коих мелькало много в вокзальной толпе. Они забыли о Достоевском и увлеченно стали рассматривать и обсуждать проходящих фемин.

Оставив коллегу с рюкзаками, Иван сбегал в привокзальную букинистическую лавочку, в которой был частым гостем. Он плохо спал в поезде, обычно покупал томик небольшого объема, чтобы успеть прочитать за ночь. Книгу, выходя на своей остановке, оставлял на столике в купе.

В магазине целенаправленно направился к полке русской классики и четким движением зацепил «Игрока», который обошелся дешевле бутылки пива.

В купе они загрузили рюкзаки в рундуки под нижними полками. Разложили постели, молча смотрели в окно. Напротив двинулись цистерны, и создалась полная иллюзия движения их поезда. В дверях мелькнула проводница, выдворяя провожающих.

Вагон тряхнуло, и где-то в душе Иван осознал, что сейчас проживает очень важный момент. Он заранее понял, что, как всегда, примет неверное решение и чувствовал свою обреченность.

По-хорошему, ему надо было просто раздеться, стащить ботинки, лечь, открыть Достоевского. ...и наступит утро, и будет как надо. Он достал книгу из широкого кармана висящей рядом с дверью куртки и положил на столик.

Федя, улыбаясь, молча наблюдал за товарищем.

— Чего хихикаешь? Я читать, а ты давай укладывайся, — сказал Иван, открывая серый том с пожелтевшими страницами.

«Глава I. Наконец я возвратился из моей двухнедельной отлучки...» — Иван пробежал глазами начало и задумался.

Возвращаясь домой бесчисленное количество раз, он узнал опять этот зуд, внутренний раздрай и незаконченность действия, желание чего-то большего. Наверно, когда нет у мужчины сложного изматывающего похода, нет новых открытий и эмоций, остается только растрчивать себя на пустые вещи.

Иван перехватил хитрый взгляд Фёдора.

— Что?

— Ничего. Помнишь, как ты говорил, когда гоняли в Воркуту: «Вагон-ресторан манит меня, как зеленые острова в океанской пустыне»? Сейчас как? Манит?

— Хрен с тобой, золотая рыбка, погнажи, — Иван захлопнул книжку и сунул ее в откидную сетку под верхней полкой. — Предначертанное да случится!

— Это к чему, не понял? — удивленно спросил Фёдор.

— Ничего, двигай булками.

Друзья на всякий случай сообщили проводнице, что вернутся поздно и направились в сторону девятого вагона, где располагался поездной шалман.

3

Хлопнула дверь в питейное царство, послышалась хоровая музыка, друзья осветились мягким светом, и тотчас к ним порхнула большой светлой бабочкой миловидная щекастая официантка. Судя по ее манящей улыбке, тесной блузке с глубоко расстегнутым воротом, она прошла подготовку по СДРКа (Стандартным Действиям Раскрутки Командировочных). Когда она наклонялась, посетители мужского пола, а их подавляющее большинство, теряли дар речи от душераздирающего зрелища:

ее пухлое богатство выкатывалось к обрыву и опасно колебалось у края упругой молочной волной, в любой момент готовое сорваться вниз. Каждый клиент считал, что знак именно ему, мысленно щупал эти прелести, сглатывал слюну и заказывал еще паленой водки по цене «Курвуазье».

— Какие замечательные гости пожаловали, молодые и красивые, я вам местечко хорошее берегла, словно чувствовала, присаживайтесь, — со сладостью в голосе встретила девица новых посетителей.

Хищно сдвинулись брови Фёдора.

— Не такие мы уж и молодые, — улыбнулся он, расправил плечи, плюхнулся на бордовый диванчик и незаметно снял под столом обручальное кольцо.

Иван видел этот трюк уже не раз, когда его коллега намеревался идти в активное наступление.

— Такие красавцы, я бы вот за любого из вас хоть сейчас замуж вышла, — сказала официантка, легонько коснувшись Ивана, разложила книжки с блюдами.

— Прямо сразу «замуж»?

— Конечно, мои хорошие, я телефончик позже оставлю, — она наклонилась к ним в контрольный раз и задержалась в этой позе, словно хотела закрепить оглушающий эффект от своего декольте.

Федя встал в стойку, отработанным басом отчеканил, не заглядывая в меню:

— Салат, солянку, мясо по-французски и бутылку водки ...каждому! Счет общий.

— Ого, какие молодцы, как быстро! Уважаю решительных мужчин, — официантка быстро чиркнула в блокнотике и переспросила: — Если каждому, то получается, две бутылки?

— Нет, бутылку одну, — уточнил Иван и строго посмотрел на проглотившего наживку коллегу.

— И два пива, пока ждем, — не унимался Фёдор.

Девушка кивнула и удалилась, покачивая бедрами по очень большой амплитуде.

— Видал, на меня глаз положила, — прошептал Федя.

— Не будь дураком, у нее работа такая — вид делать глубокой и искренней заинтересованности, чтобы ты, Феденька, раскошелится.

— Ты так говоришь, потому что я ей больше понравился.

Иван махнул рукой:

— Можешь себе забрать, невесту эту.

Они, перешучиваясь, посчитали совместную наличность. Казалось, денег хватало с запасом.

Тем временем официантка вернулась с двумя бокалами пенного:

— Пять минут, мальчики, и все будет.

— Не переживайте, девочка, мы никуда не торопимся, — улыбнулся Фёдор и выверенным движением сунул зубочистку в край рта. — Кстати, как вас зовут?

— Алёна.

— Какое сладкое имя, прямо родное, наше! А меня — Иннокентием величать, будем знакомы, — Фёдор привстал и отбросил челку со лба.

Официантка хихикнула, закатив глаза, щеки ее покраснели, будто от внезапной радости знакомства, но вдруг она хищно прищурилась, заметив новых посетителей, и рванула к свеженьким, не окученным кошелькам.

— Ну что, «Иннокентий», — выпьем за «настоящую» любовь! — поднял пиво Иван.

— Ты погоди, еще не вечер, — не терял надежды Фёдор.

— Фельдка, ой, прости, Кеша, сегодня я так буду тебя называть, — сказал Иван. — У тебя же жена, прекрасная и умная, зачем тебе эти нелепые ужимки и приторномасляные увивания? Завтра утром уже будешь дома, под теплым родным бочком.

— Все ходоки говорят, что это как рыбалка, важен процесс. Но, если честно... знаешь, я чувствую, — старею. Хочется понять, могу ли я еще нравиться не пенсионеркам с ресепшена районных гостиниц, а именно симпатичным женщинам моложе себя, примерно таким, как Алёна, — Фёдор вздохнул и выпил одним долгим глотком сразу полбокала. Взял салфетку и вытер пену с верхней губы. Посмотрел в окно. — Сложно, Ваня. Желание пропало любить. Трахаемся с женой без души. И понимаю, ничего уже не изменишь... будем доживать.

— Давай не хандри, мы столько пережили и переживем, — Иван отхлебнул немного. Пиво было кислое. — Знаешь, Фельд, ты, наверно, прав, физическая любовь, пожалуй, одна из несущих стен в здании мужского бытия. Все наше сознательное существование с десяти лет можно представить как историю вожделения и удовлетворения: вначале тебе не дают, потом дают, но ты не умеешь и позоришься в постели, потом ты умеешь и трахаешься как бог, тебе скучно и хочется нового. Кстати, мы примерно сейчас находимся на данном этапе, но, как правило, нам некогда искать на стороне приключений — мы работаем, создаем. Хотя почему, ты же находишь, и очень успешно, да, Иннокентий?

— Поправочка! Я всегда трахался как бог — и вначале, и сейчас, — Федя поставил пустой бокал на стол, довольно ухмыляясь.

Иван, закатив глаза, шлепнул ладонью по лбу, мол, «ну что с тобой делать?», продолжил:

— И этот волшебный краткий период занят бесконечной пахотой и бытовыми заботами, ты не замечаешь, как проскакиваешь его. Наступает плохое время, — уже снова не дают, потому что ты старый и некрасивый. И вот — ты, немощный и равнодушный хрен, в объятиях старика Альцгеймера, рассматриваешь картинку на обоях в ожидании скудного пенсионерского ужина. Стучится приступ, и — вуаля! Хорошо, если сразу откинешься и не будешь в самой долгой для тебя теперь дороге до клозета оставлять за собой жидкий коричневый след.

— Расписал мне перспективку, спасибо, дорогой. Значит, задача сейчас — получить от жизни все в наш «золотой» период? А как же терпение, преодоление себя, душевные метания? Всем в конторе уши прожужжал про моральный закон и существование по совести.

— Я запутался, Феденька. Кажется, все наши моральные терзания мельчают перед естеством, перед желанием, особенно после долгой командировки.

— Вот и салатик, — вклинилась в их разговор запыхавшаяся Алёна.

Она выгрузила с подноса хлеб, тарелки и керамический чайник с двумя аккуратными чашечками.

— Алёнушка, милая, мы не просили чая.

— Тише, мальчишки. У нас новые правила: не имеем права торговать напитками крепче пива, поэтому соблюдаем маскировку.

Иван огляделся, и правда — на всех столах стояла такая же посуда, как будто они находились в чайхане, а не в поездном кабаке. Он поблагодарил официантку, взял чайник и, придерживая крышку, аккуратно налил прозрачный ядовитый напиток в поданные чашечки.

4

— Ты смотрел фильм «Гостя из будущего»? — громко спросил Иван.

В ушах гудело. Преданное лицо друга расплывалось, и Ваня долго фокусировал взгляд. Перед ними громоздились пустые бокалы, постукивали выпуклыми боками два пустых чайника. Они допивали шестое или седьмое пиво.

— Конечно, каждые каникулы, — кивнул Фёдор.

— Сложно будет, но я попробую объяснить свою мысль. Что я хочу сказать... Я о машине времени, но чтобы такой: заснуть, посмотреть и проснуться со знанием будущего, и сделать все правильно... Ты знаешь меня, Федя, я чувствую иногда некоторые вещи наперед. Помнишь? Мне приснился снегопад, хотя прогнозы молчали! Я единственный в конторе поменял резину, и все смеялись, а снег-то выпал! Или на трассе... Ведь я вас задержал тогда с выездом, а там фура завалилась, аккуратно бы попали! Потому что нехорошо мне было. Чуйка моя сработала!

Фёдор молча кивал.

— И есть у меня какая-то тоска, что ли. Вот живем мы в самой лучшей стране, говорят, хорошо живем, с каждым годом все лучше, а я так вижу наоборот — все хуже и хуже, и иногда, кажется мне, — падаем мы, Феденька, в яму черную. Глубже теряюсь и слепну. Была бы машина времени, посмотреть, что там лет через пятьдесят, уточнить мое предчувствие, прав ли я или ерунда... так, показалось. И боюсь я увидеть, что нет в будущем страны нашей, люди странные, злые ходят, на чужом языке говорят.

— Ну-у, это, проснулся ты это... узнал... и че бы сделал? — Фёдор с трудом сформулировал вопрос, допил пиво и стукнул пустым стаканом об стол.

Иван подумал и сказал:

— Ничего.

За спиной у него шушукались автомобильные барыги. Сквозь ресторанный гомон выхватывались обрывки: «...модельный ряд... новый кузов... прибыли нет... волатильность шальная... рынок рухнул... продажи упадут в ноль...»

Слева гоготали парни чуть за двадцать, смотрели смешные ролики на телефоне.

Иван тер виски и после долгой паузы сказал твердо и трезво:

— Может, и сделал бы что-нибудь... Нет, Федя, забудь, что я тебе говорил, главное для мужчины не бабло, жратва сладкая, да трах-тарарах еще, а глобальная самореализация! Понимаешь? У настоящих людей должна быть высокая цель. В войне победить, страну заново построить, материк открыть новый или к звездам, вверх, — вот какая цель! Это, конечно, метафора, но ты меня должен понять, Федька, друг сердешный! — Иван протянул руки и потряс друга за плечи. — Мы же нормальные люди, человеки, а не вот это. Посмотри, — он качнул головой в сторону соседнего столика. — У них проблем нет, счастье посредственности знаешь в чем? Они не осознают свое невежество и не мыслят высокими категориями. Гы-гы-гы, вся жизнь в шутейках и в поисках колбасы по скидке. — Он рухнул обратно на диванчик. — Хотя, и мы, наверно, недалеко ушли, такие же серые, водку жрем да про баб толкуем, и ты тоже хорош... читай Достоевского, а не всякую лабуду, понятно?

— Мальчики, вы что-то разошлись, давайте я вас рассчитаю и баиньки, — к ним подошла Алёна, уже не так призывно улыбаясь, положила счет и застыла в ожидании.

Иван прищурился, глянул краем глаза на серый бланк, исписанный кудрявым ученическим почерком:

— Что-то из памяти выветрился вкус лобстеров с трюфелями, а судя по итоговой цифре, мы точно должны были их кушать.

Он кинул всю наличку на стол: — Сдачу оставьте себе!

Девушка быстро пересчитала и спрятала деньги, глазки опять налились медком:

— Что-нибудь еще желаете?

— Редкий случай, но мальчишки сегодня остались голенькие. Денег нет! — вздохнул Иван.

— Если хотите еще водочки или чего-нибудь, можете оставить паспорт в залог, потом с деньгами к поезду подойдете, документ вернем.

Иван чуть не поперхнулся остатками пива:

— Вот это поворот! Э-э, милая, пару часов назад вы обещали жениться, как же так? У нас купец, — он показал на привставшего Фёдора, в затуманенном взгляде его, характерном изгибе бровей читалась готовность к не очень чистой любви.

— Вручаю в ваши нежные руки это сокровище. Совет да... и что дальше вам решать! Можете забрать его на полчаса и для закрепления союза принесите нам пивка за счет невесты.

— Сейчас наряд вызову, — вдруг сердито и холодно прошипела Алёна.

Иван не узнал ту приятную, встречавшую их девушку. Прищурившись, он рассмотрел ее злое угреватое лицо, замазанное толстым слоем тонального крема, и рыхлые, прыщавые титьки, выпадающие из блузки.

— Спасибо! Я прозрел! Дайте, пожалуйста, рецепт вашей водки из чайника. Я хочу теперь всегда видеть настоящую реальность. ...Хотя нет, не надо, мне и так сложно жить.

Он театрально обратился к собутыльнику:

— Смотри, Иннокентий, исчезло волшебство. Пробили часики, карета превратилась в тыкву, а принцесса обернулась жадной некрасивой стервой!

Фёдор тем временем безуспешно пытался встать и ухватился за спинку дивана: — Э-э, Ванюсик, я давно хотел сказать, я не Иннокентий, я — Алонсо, по прапрадедушке я испанец, потомок королевской Габ-б-бу-сбу-бу-рской династии.

Федя шлепал губами и пускал слюну, долго выговаривая трудную нерусскую фамилию.

— Глупая женщина, настоящий дон Алонсо просил вашей руки, а вы... Мы уходим, где наши шляпы и оружие? Мы не уйдем, пока не вернете наши шпаги! — всплеснул руками Иван.

— Какие шпаги? А-а-ш-о-о-т! — заорала официантка.

Из кухни выскочил квадратный брюнет в поварском колпаке. Ашот был очень сердит и заряжен выдворить буянов с помощью силы, но чем ближе подходил, оценивая габариты друзей, тем дружелюбнее становился.

— Вот и шеф, собственной персоной, — Иван расплылся в улыбке. — Ашот, наш витязь без тигровой шкуры. ...Да и зачем вам шкура, у вас отличный естественный подшерсток.

Повар нервно почесал грудь, взъерошив кучерявую черную поросль, действительно густо покрывавшую тело, волосы поднимали ткань замызганного халата и выбивались масляными клоками между пуговиц.

— Эй, братья, па дабру сдэлаем, а? Поел, попил, ухади, — он показал широкой ладонью в сторону выхода.

— Ашот, вы в курсе, что мы кулинарные критики, и если так безобразно важных клиентов принимать, не видать вам звезды Мишлена, — Иван насупился, вытаскивал

ручку из кармана, положил салфетку на ладонь и сделал вид, что будет писать замечания.

— Что с ними сюсюкаться, вызываем ментов, сейчас стоянка будет полчаса. Пусть высадят этих клоунов, — прошипела Алёна.

— И какую причину задержания назовете? Чрезмерное опьянение незаконно проданной водкой? ...Эх, Алколёнка, а счастье ваше было так возможно! — Иван взял под руку уставшего друга, и они с гордо поднятыми головами покинули заведение.

5

Иван поблагодарил проводницу, спустился из вагона первым и принял от Фёдора рюкзаки. Товарищ отмахнулся от руки, спрыгнул сам.

Федя жил рядом с вокзалом. Он посмотрел на часы и взвалил мешок за плечо:

— Половина пятого. Пойдем ко мне, Ваня, ты еще пьяный, протрезвеешь, на троллейбусе домой попадешь аккурат к обеду.

— Ты будто у нас трезвый, — хмыкнул Иван. — Есть плюс, что все пропили: на такси денег нет, пока пешочком дойду, проветрюсь заодно. Не переживай.

Федя постоял минуту. Иван молча курил.

— Все хорошо, Вань? Точно?

— Точно, Федя, точно. Иди.

Федя постоял рядом, сплюнул, двинул снег ногой. Рыхлая серая масса под ботинком съехала в толстый мокрый комок.

— Снеговик бы вышел знатный, — сказал Иван.

— Самая та консистенция, — кивнул Фёдор. — Бывай, Ваня... Хороших выходных.

— Да, Феденька, спасибо. И тебе. В понедельник увидимся.

Ваня посмотрел на спину друга и повернул на запад, в сторону своего района. Шумно втягивал влажный воздух носом и сильно выдыхал ртом, словно стараясь выжать из организма через легкие весь алкоголь, употребленный за последние двое суток.

Миновал квартал, пересекал парк, покачиваясь и проскальзывая на ледяной дорожке, залитой водицей со снегом, поднимался на пологую горку, разгребая тяжелыми ботинками холодную кашу. Голубоватый свет фонарей освещал его широкий рыхлый след.

Откуда-то сбоку вынырнули три гопника. В бомберах, растянутых спортивках и паленых адидасах. Ваня неторопливо ступал, не смотрел на них, но почувствовал, что возможны проблемы. Парни перекинулись парой слов между собой и быстро двинулись к нему. Он обратил внимание на их рваную обувь: «Наверно, ноги мокрые».

— Дай закурить.

Ваня отвлекся от кроссов, которые хорошо сочетались с грязными трениками и куртками: «Всё по классике». Всмотрелся в плоское лицо просящего, долгим взглядом обвел его товарищей.

— Паспорт покажи? — спросил Иван. Страха у него не было, только абсолютное вселенское безразличие.

— Че?

— Хрен в оче, паспорт, говорю, покажи, выясним, можно тебе сигарету дать или нет?

— Чувак, ты не вдупляешь по ходу?

— Не хами дяде. Со сколько лет сейчас курево продают? Отвечай! — повысил голос Иван, поправляя рюкзак на плече. — Может ты еще маленький, не дорос до сижек.

Парни переглянулись. Они немного замялись перед дерзким мужиком, покачивались с ноги на ногу, не зная как продолжить процесс кидания объекта на бабки и телефон. Случайный прохожий нарушил принятый алгоритм поведения. В утренней мягкой туманной тишине потрескивали их перегретые маломощные мысленные процессоры, судорожно ищущие выход из непонятной ситуации.

— Вы че, русского языка не понимаете? И Достоевского, конечно, не читали? Хотя о чем я спрашиваю? ...Сука, как же вы задрали! — выдохнул Иван, резко скинул рюкзак с плеча, толкнул мешок сухощавому упырю слева и сразу обрушился лбом на переносицу наглого центрового. Хрустнул нос, мерзкая рожа перекосилась, нижняя половина лица залилась темной жидкостью. Худой левый гопник не удержался под весом брошенного тяжелого баула, поскользнулся на мокром льду и неловко упал, ударившись затылком о дорогу, и затих. Третий кидала, мгновенно оценив ситуацию, принял разумное решение не вмешиваться и не отслеживать дальнейшую судьбу своих поделщиков, метнулся в сторону по целине, высоко поднимая колени в мокром снегу, растворился в серой оттепельной дымке.

Иван взял за шкирку окровавленного парня, просившего сигареты, подтащил к обочине, молча окунул головой в сугроб у дороги. Поднял рюкзак и побрел дальше не оборачиваясь.

Через полчаса он стоял у своего подъезда. Прежде чем набрать номер квартиры на клавиатуре домофона, вдыхал и выдыхал, словно запасаясь кислородом перед нырянием на глубину, считая до двадцати шести — это было его счастливое число.

Он поднялся, открыл дверь и увидел родные уставшие серые глаза.

— У тебя лицо в крови. Что случилось? — испуганно спросила она.

— Дорогая, я убил человека.

Она всплеснула руками и жалобно прошептала:

— Ваня, не пугай меня, пожалуйста, ради детей скажи, что это не правда.

— Моя хорошая, я пошутил, просто поскользнулся и неловко упал, носом кровь пошла, не переживай, — он наклонился и долго рылся в рюкзаке, пока не наткнулся на искомое.

— Посмотри, что я тебя привез, любимая, это настоящая антикварная вещь! — Иван, покачиваясь посередине прихожей, улыбаясь окровавленным лицом, протянул любимой украденную рюмку.

Она схватила раритет и изо всех сил кинула об пол. Стекло расплескалось мелкими брызгами по всему коридору.

— Как я устала от всего этого! — вскрикнула женщина, горько зарывав, закрывая лицо руками.

Иван ссутулился и побрел на кухню, не снимая ботинок. Под толстой подошвой захрустели осколки.

Он расчистил место на серебристой дверце холодильника, нащупал в нагрудном кармане комбинезона магнетик, изображающий деревянный зеленый дом с надписью по нижнему краю «Старая Русса», и прилепил его между «Вытегрой» и «Черняховском».